

Рефорум

Ольга Орлова

MAKE SCIENCE NOT WAR

Как реформировать науку в России будущего

РЕФОРУМ

2024

Введение

Тоталитаризм и война развернули вектор российской науки на 180°: сейчас она движется в направлении, противоположном тому, которым шла 34 постперестроечных года. Когда появится потребность вернуть науку в её естественное русло, у любой политической силы, которая попытается это сделать, должен быть план действий. Ниже мы излагаем сумму идей, которыми могут воспользоваться те, кто будет отвечать за научную политику и разработку конкретных программ. Мы исходим из того, что существуют базовые принципы развития современной науки, к соблюдению которых нужно будет вернуться.

Ни один проект реформ науки в России не может быть успешно реализован, если не будет сформулирован ответ на вопрос, какая наука нужна стране в будущем. Опыт научных реформ в постсоветской России показал, что отсутствие это базового понимания приводит к девальвации любого положительного эффекта изменений.

Ярким примером может послужить история развития гуманитарных и общественных дисциплин с 1990-х до 2020-х.

В 1990-е формирующейся политической и экономической системе постсоветской России нужны были передовые исследователи в области экономики, социологии, философии, политологии, истории, культурологии, филологии. В советский период эти науки традиционно обслуживали власть или находились под сильным влиянием идеологических догм, которые не позволяли им развиваться в соответствии с мировыми тенденциями. Потребность в новых кадрах привела к необходимости создавать новые учебные и научные центры или преобразовать старые так, чтобы в них появились новые академические программы: появились МВШСЭН, ВШЭ, РЭШ, ЕУСПб и др., рабочие места для современных профессиональных исследователей и система их воспроизводства.

В 2000-е и 2010-е годы, когда экономика России «встала» на ресурсные, а потом ресурсно-административные рельсы, эти специалисты помогали держать страну на плаву — интегрировать её в различные глобальные процессы, поддерживать финансовые институты и развивать новые индустрии. Однако начиная с третьего срока Владимира Путина, т. е. с 2012 г. окончательная смена политического курса развела развитие этих дисциплин и влияние их на экономическую и общественную жизнь в стране. Это привело к фактическому уничтожению точек роста в этих областях — закрытию или репрофилированию целых научных подразделений, маркировке некоторых из них иностранными агентами или нежелательными организациями, разрыву с зарубежными партнёрами, «утечке мозгов». Война полностью изменила ландшафт общественных и гуманитарных дисциплин в России. За год после полномасштабного вторжения Россию покинули тысячи ведущих экономистов, славистов, историков, социологов, политологов. Закрылись факультеты Liberal Arts в РАНХиГС и СПбГУ, был расформирован ИГИТИ им. Полетаева НИУ ВШЭ. Бард-колледжу был присвоен статус нежелательной организации.

Сменился руководящий состав ведущих гуманитарных факультетов и вузов страны.

Таким образом, в течение тридцати лет мы были свидетелями того, как сначала молодой постсоветской России передовые гуманитарные и общественные науки были очень нужны, потом они стали нужны ей лишь в определённых сферах для решения определённых задач, а потом перестали быть нужны вовсе.

Иначе обстоит дело с точными и естественно-научными областями, решающими фундаментальные, прикладные и практикоориентированные задачи. В 1990-е ни власть, ни экономика в них не нуждалась. Каждая область искала пути выживания по своему усмотрению, в первые десять постсоветских лет математики, физики, химии, биологи массово покидали Россию. За пять лет после перестройки, с 1989-го по 1994-й, количество сотрудников, занятых исследованиями и разработками, [сократилась](#) на 1 млн 110 тыс. специалистов, из них исследователей и технических работников — 748 тыс. человек. Отраслевая наука оказалась практически разрушенной. Руководство страны по большей части ориентировалось на импорт высоких технологий, не заботясь не только о развитии фундаментальных наук, но даже об их сохранении.

В 2000-е на фоне роста бюджета благодаря серьёзным нефтяным доходам у власти появилось понимание, что уровень развития науки является одним из индикаторов имиджа цивилизованной страны. В 2005—2007 гг. научная политика государства [начинает](#) ориентироваться на международные показатели и индикаторы научной эффективности и успешности, появляются программы научно-технологического развития определенных областей (например, [нанотехнологическая инициатива](#) или программы интеграции зарубежных учёных в российскую академическую систему; вспомним программу [мегагрантов](#)). В 2010-е российское руководство заявляет о потребности в исследованиях и разработках, связанных с ВПК.

После 2014 г. внешний и внутренний курс резко меняется, теперь в сфере научно-технологической политики господствует риторика импортозамещения технологий. Именно в эти годы во власти, черпающей основные «инновационные идеи» из сталинского административного опыта, укореняется идея возможности иметь сильную национальную науку отдельно от мировой. При этом власть всё время ориентировалась на успешный советский опыт развития ядерной и атомной физики, забывая о провале в области биологии, генетики, кибернетики. Это искаженное представление о реальном состоянии советской науки привело к тому, что разрыв международных научных связей с Европой и США был воспринят российской властью без трезвого понимания последствий. Правительство призвало учёных развернуться на Восток и начать активнее сотрудничать с Индией, Китаем и Ираном.

Современная структура экономики России не позволяет эффективно использовать потенциал, накопленный российской наукой за 24 года путинского правления. Вмешательство силовых структур и лидеров милитаристской идеологии в академические процессы и в оперативное управление наукой, поиск «шпионов» среди российских учёных, сотрудничающих с зарубежными коллегами, привели к отсутствию долгосрочных перспектив, на которых строится настоящее развитие науки.

Таким образом, неизбежная реформа науки, которую предстоит провести тем, кто придёт к власти в новой России, в первую очередь будет зависеть от того, на какой политической и экономической основе будет строиться страна.

Но есть ряд шагов, которые нужно будет сделать в любом случае — пойдёт ли новая Россия по пути президентской или парламентской республики, превратится в настоящую федерацию или распадётся на несколько частей, вне зависимости от того, как будет формироваться бюджет и от чего он будет в большей степени зависеть. Развитие науки неизбежно, ибо научно-технологическая отрасль — один из самых необходимых инструментов развития любой успешной экономики в современном мире. Власть, которая не понимает этого, обречена. Если власть захочет выжить, она сделает ставку на науку и технологии.

В своих предложениях мы исходим из того, что реформа российской науки станет частью большой общей реформы российского государства.

5 задач по восстановлению и развитию российской науки

Задача 1. Восстановление интеграции российской науки в международную академическую систему

К 2023 г. российские институциональные связи с ведущими научными странами оказались практически разрушенными. Примеров множество. В 2022 г. Европейская организация по ядерным исследованиям (CERN) приостановила для России статус наблюдателя из-за ситуации на Украине до особого распоряжения, а с осени 2024 г. CERN полностью прекратит сотрудничество с Россией и российскими учёными. Россию ограничили в доступе к международным научным базам данных Web of Science и Scopus. Немецкие специалисты [отказались](#) возобновлять работу своего телескопа eROSITA на российской космической обсерватории «Спектр-РГ». Семь стран из восьми членов Арктического совета [приостановили свою работу](#) на неопределённый срок, не желая сотрудничать с Россией в качестве председателя совета. В России [остановлены программы исследования лекарств](#).

Российское правительство отменило ряд договорённостей о сотрудничестве с США, Британией и ЕС в области науки и техники. Российским учёным запрещено участвовать в международных проектах и конференциях, которые финансируются из бюджета ЕС, Британии и США. Всё это делает невозможным развитие полноценной науки в России. А восстановление России в международных научных проектах и программах ЕС будет ключевой задачей научных реформ.

Однако её решение не может произойти только по инициативе самой России. Её не

пустят обратно «в клуб» без гарантий того, чтобы бывший агрессор не убедил остальных членов международного научного сообщества, что с ней можно иметь дело. А это значит, что необходимо будет предпринять ряд действий по восстановлению репутации в академическом мире. Этому будет способствовать решение второй задачи.

Задача 2. Добиться отмены санкций научно-исследовательских организаций

К 2023 г. более 20 научных институтов и университетов попали под международные санкции. В их числе НИИ энергетики РАН (ИнЭИ РАН), Институт химии нефти СО РАН (ИХН СО РАН), НИИ полимеров им. академика Каргина, Всероссийский нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт (ВНИГРИ), Всероссийский научно-исследовательский институт геофизических методов разведки (ВНИИГеофизика, входит в структуру «Росгеологии»), Институт синтетического каучука им. Лебедева (НИИСК), Сибирский НИИ геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС), Альметьевский государственный нефтяной институт (АГНИ), «РН-БашНИПИнефть» и «Газпром ВНИИГАЗ». Под санкции попали такие ведущие научные учреждения, как Институт прикладной физики РАН, Физический институт имени П.Н. Лебедева РАН, Институт общей физики им. Прохорова, Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН, Институт физики полупроводников им. А.В. Ржанова СО РАН, Институт теоретической физики им. Л.Д. Ландау РАН, Физико-технологический институт им. К.А. Валиева РАН и Институт спектроскопии РАН, Фонд «Сколково» и входящие в инфраструктуру инновационного центра «Сколково» Сколковский институт науки и технологий, МФТИ, Институт проблем управления им. В.В. Трапезникова РАН, Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН, Институт проблем морских технологий Дальневосточного отделения РАН, Российский федеральный ядерный центр — ВНИИ экспериментальной физики и его филиал, НИИ измерительных систем им Ю.Е. Седакова. Кроме того, в обновлённом SDN List фигурируют четыре образовательных учреждения нефтяного профиля: Российский государственный университет нефти и газа им. Губкина, Санкт-Петербургский горный университет (Горный институт), Грозненский государственный нефтяной технический университет (ГГНТУ) и Российский государственный геологоразведочный университет им. Орджоникидзе (МГРИ).

Список этих организаций постоянно [пополняется](#) и [будет расти](#) до тех пор, пока Россия ведёт войну с Украиной.

Основание для внесения в санкционный список — причастность научной организации к критическим областям промышленности и технологий, которые могли бы усилить военный и экономический потенциал воюющей России. Практически все эти институты являются одними из ведущих научных центров в своих направлениях. Возвращение их в международное поле — важнейший шаг для развития российской науки. Однако для того, чтобы добиться исключения их из общего санкционного списка, необходимо предоставить веские доказательства их дальнейшей неучастия

в оборонно-промышленном комплексе. Необходимо разработать государственные регламенты, исключающие возможность взаимодействия этих научных организаций с силовыми структурами на неопределённый срок. Чтобы такие регламенты были разработаны, институты, попавшие под санкции, должны пройти международный аудит с привлечением экспертов из стран ЕС и США. Для этого нужно решить следующую задачу.

Задача 3. Осуществление международного аудита всех научных организаций и университетов России

Проведение такой процедуры должно стать непременным условием допуска российских государственных научных учреждений к любым международным проектам, программам, базам данных и коллаборациям. Это значит, что административный аппарат этих организаций будет вынужден сам проявлять заинтересованность в том, чтобы получить «лицензию» на новую деятельность. Целью международного аудирования должно стать определение научного и технологического уровня организации, уровня её социальной значимости в региональной или федеральной экономике и уровня развития академических свобод и идеологической нейтральности. Эффективность такого аудита может быть обеспечена только высокопрофессиональными экспертами с безупречной репутацией и знанием российских академических реалий. Ключевую роль в таком процессе может сыграть огромная русскоязычная научная диаспора, представители которой с 1991 г. успешно работают в международных университетах и которая пополнилась несколькими тысячами блестящих специалистов из разных областей, покинувших Россию после 24 февраля 2022 г. С другой стороны, состав экспертных групп в каждой области должны формировать ведущие научные объединения и научные общества, которые будут делегировать своих членов для участия в этих группах.

В России сейчас работают 724 вуза и 1618 НИИ. Чтобы провести аудит и экспертизу этих учреждений, понадобится не менее двух лет и значительные средства. Сможет ли новое правительство переходного периода добиться кредита на проведение такого аудита от международных фондов, — большой вопрос. Велика вероятность, что ответ будет отрицательный, и России самой придётся платить за его проведение. Тогда надо будет решить следующую задачу.

Задача 4. Резкое увеличение государственного и частного финансирования науки

В 2022 г. Россия потратила из государственного бюджета на фундаментальную науку 229 млрд рублей (примерно \$2,860 млрд), а на прикладную — 339 млрд рублей (примерно \$4,2 млрд).

По абсолютным масштабам затрат на науку (\$49,9 млрд) Россия входит в десятку

лидеров, замыкая её, однако по доле таких затрат в ВВП занимает [лишь 43-е место](#) (0,94% в 2022 г.). В то же время расходы стран Европейского союза на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) с 2012 по 2022 г. [выросли на 45%](#) и составляют более 352 млрд евро, или 2,22% от ВВП. С началом войны приоритеты были пересмотрены: финансирование национального проекта «Наука и университеты» в 2024 г. сокращено на 4,3% по сравнению с бюджетом 2023 г. В феврале 2024 г. в предвыборном послании Федеральному собранию Владимир Путин коснулся большинства социальных сфер, но ничего не сказал ни про науку, ни про планируемые на неё расходы. Это и есть самый внятный сигнал научному сообществу о приоритетах в государственной политике.

Только многократное увеличение бюджета на исследования и разработки способно кардинально изменить ситуацию. Отметим, что ни в одной стране мира подобный «финансовый зигзаг» в сторону науки не может быть произведён только за счёт государственного бюджета. В поддержку научной сферы должен быть вовлечён частный бизнес. Привлечение частного капитала в научную сферу декларировалось в качестве приоритетной задачи на протяжении всех 24 лет президентства Путина. Однако эта задача так и не была решена. В области прикладной науки в сфере НИОКР Россия перед войной [находилась на 16 месте](#), уступая Венгрии и Эстонии. На 1 исследователя в прикладной сфере приходилось \$102 тыс. в год, причём 67% от этой суммы были обеспечены государственными деньгами, 30% — корпоративными и 3% — иностранным капиталом. Государство тратило на прикладную науку \$27 млрд, компании — чуть больше \$12 млрд. Это соотношение никак не обеспечивало устойчивую связь между прикладной наукой и технологической сферой.

Изменить ситуацию в будущем могут два фактора. Во-первых, либерализация российской экономики, повышение уровня конкуренции и тем самым повышение потребности в инновациях со стороны частного бизнеса. Во-вторых, увеличение доли частного капитала в общей структуре финансирования науки. Это потребует разработки специальных программ, которые бы позволяли репутационно «очиститься» и перезапуститься тем компаниям, которые попали под международные санкции и были причастны к обеспечению военных действий в Грузии и Украине, но хотят продолжить работу на российских и глобальных рынках на новых условиях. Такая программа должна стать частью другой большой программы — по демилитаризации российской экономики.

Задача 5. Демилитаризация экономики

Любые реформы стоят дорого. Нет надежды на то, что мировое сообщество захочет потратить средства на реформирование науки в стране, которая развязала агрессивную войну и затем её проиграла. Эти средства нужно будет найти самим. Так как одним из экономических последствий войны в Украине стал ускоренный переход Западной Европы на альтернативные источники энергии, а также сокращение торговли с Россией, нефть, газ и таможенные пошлины, которые составляли значительную часть бюджета

России, перестанут таковыми быть в ближайшие годы. У российских реформаторов не будет большого пространства для манёвров, им придётся очень быстро определиться с приоритетами внутри страны и договариваться о кредитах вне её.

Одним из главных условий кредитования со стороны международных институтов станет радикальная демилитаризация российской экономики, реформа силовых структур и ведомств. Высвобождение этих средств даст возможность перенести их в другие сектора. Одним из первых таких секторов должна стать наука и высшее образование. Качественные изменения в воспроизводстве человеческого капитала позволят России убедить мир в том, что она не представляет больше опасности для других стран.

Кадровые ресурсы — вернуть или вырастить?

Предположим, мы придём в правительство переходного периода с общей концепцией реформирования российской науки. Первый вопрос, который нам зададут: а кто будет всё это делать? Вы хотите отдать реформу [на откуп](#) чиновникам, академиками и администраторам, которые голосовали за войну, переписывали учебник истории и читали курс «Основы российской государственности»? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала ответить на три других:

- Что делать с люстрацией научных администраторов и чиновников?
- Как вернуть тех, кто покинул Россию, но хотел бы вернуться?
- Как быстро подготовить новые научные кадры?

1. Люстрации

Эксперты сходятся на том, что провести массовые люстрации в академической сфере нет [ни возможности, ни смысла](#) (ещё по теме — [здесь](#) и [здесь](#)).

Во-первых, значительная часть тех руководителей, кто публично поддерживал войну, увольнял учёных, покинувших страну и продолжавших работать и преподавать дистанционно, делали это вынужденно, под давлением Министерства науки и высшего образования.

Во-вторых, меры по изоляции российских научных организаций последовали столь стремительно, что у российских научных администраторов не было времени на выбор и на смену траектории. Западные страны в первые же недели войны дали понять, что они не ждут у себя учёных из России. Поэтому мы практически не наблюдали отъезд за границу руководящего состава; лишь единицы смогли покинуть страну. Часть оставшихся старалась минимизировать ущерб от внешнеполитических изменений, часть начала приспосабливаться к новым условиям. Но была и часть, которая заявила, что давно ждала часа, когда Россия наконец-то встанет с колен. Вот эта часть и должна

быть выявлена в процессе международного аудита и отстранена от административной деятельности в науке. Отчёт по аудиту и экспертизе каждой научной организации должен включать в себя пункт «Список персон, подлежащих люстрации и не допускающихся к руководящим должностям в научных и образовательных организациях».

2. Возвращение научных эмигрантов

В начале 2000-х, когда в российском бюджете начали появляться свободные нефтяные деньги и в окружении Путина возник разговор о возрождении российской науки, довольно быстро созрело решение о привлечении в страну представителей научной диаспоры, которые сумели профессионально реализоваться на Западе и могли бы быть заинтересованы в дополнительных деньгах и аспирантах из России. В 2010 г. появилась программа [мегагрантов](#); общий курс на интеграцию в мировую науку, который [провозгласило](#) российское правительство устами министра науки и образования Андрея Фурсенко, подразумевал тесное сотрудничество с теми, кто уже хорошо представлял себе современную науку и хотел помочь привести отечественную в соответствие с её стандартами. Заметным импульсом по осуществлению этого курса стала программа 5-100, принятая в 2013 г. и подразумевавшая вхождение по крайней мере 5 российских университетов в сотню ведущих вузов мира.

Всё это способствовало интеграции российской науки в международную. К концу 2010-х не только в столичных, но и региональных вузах и институтах заработали лаборатории и проекты с участием иностранных учёных, в основном выходцев из бывшего СССР. С их помощью России стала участником различных международных проектов, некоторые из них вернулась в Россию на постоянные позиции.

Можно ли этот процесс повторить?

Ответ зависит от двух факторов. Первый — когда именно российская наука сможет вернуться на глобальный рынок. Второй — о какой возрастной группе учёных идёт речь. Подавляющее большинство зрелых учёных, которые покинули Россию после начала войны в Украине, получили временные позиции в зарубежных университетах с сильным понижением академического статуса. Вероятность того, что в ближайшие годы они смогут на международном академическом рынке восстановить возможности, аналогичные тем, что они имели в России, чрезвычайно мала по сравнению с теми, кто покидал Россию в 90-е и в начале 2000-х. За 20 лет конкуренция с учёными из стран Юго-Восточной Азии, Индии, Ближнего Востока, Южной Америки обострилась. Когда перед американским университетом стоит выбор между перспективным молодым учёным из Индии или возрастным профессором из России, выбор почти всегда не в пользу россиянина. Так что если в ближайшие годы у этих учёных появится возможность вернуться на прежние позиции в России, то они вернуться — это подтверждают многие собеседники [T-invariant](#).

Если же реформирование российской науки начнётся через десять и более лет, когда большинство этих людей покинут международный академический рынок в силу

возраста, то возвращаться будет некому.

Вероятность же возвращения в Россию тех, кто покинул родину в возрасте 20—40 лет, тем выше, чем лучшие условия сможет предложить Россия. Российская молодёжь захочет вернуться в Россию ровно в такой же степени, в которой немецкий постдок сочтёт подходящей работу в российском университете. И это уже не зависит от того, станут ли привлекательными российские университеты через пять лет или через десять. Это зависит от того, станут ли они вообще привлекательными.

3. Где взять новые научные кадры?

Сделать российские университеты и исследовательские институты привлекательными для учёных из передовых научных стран быстро не получится. А вот вопрос с воспроизводством научных кадров придётся решать очень быстро: это исключительно важный процесс в реформировании науки. Запуск новых академических программ требует времени, но можно попробовать приземлить на российскую почву те, что уже работают в других странах. Можно вновь обратиться к опыту 90-х, когда в России появилось обучение по совместным программам с западными вузами. Особую роль тут могут сыграть те университеты, которые уже открыли русскоязычные программы для студентов в Чехии, Германии, Кипре, Израиле.

Другой срочной мерой, которая отчасти поспособствует решению этой проблемы, может стать точечное увеличение временных научных ставок вне бюджетов университетов и институтов для развития академической мобильности. В любом случае эта задача может быть решена только в тесной кооперации с международным академическим сообществом.

Что произойдёт само собой, если запустить реформу науки?

1. Децентрализация российской науки

География российской науки сегодня примерно такая же, как 50 лет назад. Самые сильные научные центры сосредоточены в Москве, Петербурге, Новосибирске, Томске, Нижнем Новгороде, Перми, Казани и ещё нескольких крупных городах. Некоторое расширение научной географии произошло в связи с развитием региональных вузов благодаря программе 5-100. Однако в России достаточно регионов, в развитии которых наука не играет почти никакой роли. Трудно представить политика, который бы считал это положение дел нормальным для такой огромной страны, как Россия. Существенный ли это фактор и нужно ли по этому поводу предпринимать что-то

специально, разрабатывать отдельную программу децентрализации российской науки? На наш взгляд, совсем не обязательно. Процесс запустится сам собой как следствие децентрализации российской экономики в целом, неизбежной в случае тех политических изменений, которых мы ожидаем в ближайшие годы. Усиление экономической самостоятельности регионов вызовет необходимость подготовки квалифицированных кадров на местах, что, в свою очередь, потребует развития региональных университетов, усиления их научного потенциала.

2. Восстановление института научных репутаций

Падение престижа профессии учёного, низкая оценка его статуса в обществе — ещё одна травма, на которую указывают многие эксперты, анализируя драматическое состояние постсоветской науки. Само по себе это не проблема и не влияет на уровень развития науки: в Германии и Австрии быть доктором наук чрезвычайно почётно, в США — нет, при этом наука в США развита сильнее, чем в Германии или Австрии. Но если в Германии и США статус учёного в глазах общества таков, каков есть, уже 150 лет, то в России он рухнул в считанные годы. Научная нищета 90-х и торговля учёными степенями, создание фабрик фальшивых диссертаций привели к тому, что общество, раньше относившееся к людям науки с огромным почтением, перестало ценить учёных и их степени. Ещё один удар по репутации учёных — власть полностью игнорировала экспертное мнение при принятии решений.

Учёный в постсоветской России — человек, которому мало платят, которого мало ценят, его мнение можно либо купить, либо не заметить. Но традиции уважения к интеллектуальному труду не исчезают за пару десятилетий. На наш взгляд, повышение конкуренции на рынке труда, в том числе и в сфере экспертирования государственных и коммерческих проектов, восстановит престиж науки так же быстро, как произошло его падение в 1990-е. Когда мнение учёного будет иметь решающий вес или приносить добавочную стоимость в государственные или коммерческие сферы, общество вновь научится слышать это мнение.

3. Интеграция с бизнесом за счёт системы Центров прикладных разработок и RnD-центров

Отсутствие интереса российского бизнеса к научным разработкам — общее место всех совещаний, связанных с наукой, в последние 20 лет. Чиновники и учёные не устают упрекать бизнесменов, что те не желают вкладываться в отечественные прикладные исследования, бизнесмены предпочитают отмалчиваться или воспринимают вложения в подобные проекты как социальный налог. Хотя причина давно известна всем участникам диалога: отсутствие конкуренции в приоритетных отраслях российской экономики или отсутствие производств полного цикла приводят к тому, что на инновационные решения невыгодно тратить средства компаний. За редким исключением бизнес в России не

воспринимает отечественные разработки как потенциальный источник повышения конкурентности своих фирм. Разговоры о том, как бы «поженить науку и бизнес» (так любят выражаться в Академии наук), не будут иметь под собой реальной почвы, пока бизнес не начнёт жить в остро конкурентной среде и не станет, соответственно, искать внутри страны более дешёвые и эффективные решения для своего развития. Мы возвращаемся к началу: очертания реформы российской науки станут тем яснее и очевиднее, чем внятнее будет представлять правительство и парламент в России будущего, какая же наука нужна новой экономике.

Заключение

Война девальвировала или пригасила остроту многих проблем, которые решались в процессе реформирования российской науки (о нём мы писали [здесь](#)). Теперь нет существенной разницы, что именно произойдёт с РАН, сколько будет в стране грантовых фондов и как будет функционировать ВАК. Не это определит её развитие. Восстановление академических свобод и академической мобильности, международного сотрудничества и института академических репутаций может быть осуществлено разными способами, если будут найдены средства на пересмотр основ и оценку имеющегося научного и образовательного потенциала проигравшей страны.

Вопрос, от которого действительно зависит судьба российской науки, — какую страну будут строить создатели России будущего, о каких ценностях договорятся с обществом. Общество, которое ценит человеческую жизнь и человеческую свободу, потребует развития человекоориентированной экономики, а это, в свою очередь потребует развития медицины, компьютерных наук, искусственного интеллекта, философии, астрофизики и других областей знания, без которых трудно представить современный мир.

Об авторе

Ольга Орлова — главный редактор медиа академического сообщества [T-invariant](#), кандидат филологических наук.